



ЧИТАЛКА "ШБ"

С. САВИНКОВ, краевед

К 210-летию со дня рождения
Сергея Тимофеевича АКСАКОВА

Русь

*"Изучи свое отечество, а потом можешь
путешествовать".*

Овидий

О Русь! При одном только упоминании – радость на душе. Как я люблю тебя, как чувствую, как хочу разобраться, что с тобой происходит. Где мне найти ответ, как мне понять тебя и найду ли то, что ищу? Призову на помощь любимых писателей.

Как сказано у Пушкина в "Евгении Онегине":

...просто вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины.
Перескажу простые речи
Отца иль дяди-старика,
Детей условленные встречи
У старых лип, у ручейка..."

И "простой пересказ" мой будет связан с именем Сергея Тимофеевича Аксакова, чье 210-летие мы отмечаем в этом году. Суждения С. Аксакова о русской жизни, семье, истине кажутся мне важными для всех времен, всех поколений

"Да здравствует доброе старое время, когда верили всему! Прежде всего, верили в Провидение, и это очень упрощало жизнь, затем в рай, который дает утешение в скорбях! Твердо верили в добродетель... Верили также в чудеса, бескорыстную любовь и даже в благодарность!"

Таковыми видел русских людей "доброе старое времени" Сергей Аксаков из своего XIX столетия.

А в "Семейной хронике" мы прочтем:

"Но вот что происходило в Багрове, когда пришла радостная весть, что Бог даровал Алексею Степанычу сына и наследника? В Багрове происходило следующее: с пятнадцатого сентя-

бря Степан Михайлыч считал дни и часы и ждал каждую минуту нарочного из Уфы, которому велено было скакать день и ночь на переменных; это дело было тогда внове, и Степан Михайлыч его не одобрял, как пустую трату денег и ненужную тревогу для обывателей; он предпочитал езду на своих; но важность и торжественность события заставила его отступить от обычного порядка. Судьба не наказала его слишком долгим ожиданием: двадцать второго сентября, когда он почивал после обеда, приехал нарочный с письмами и доброю вестью. Просыпаясь от крепкого сна, едва старик потянулся и крикнул, как ворвался Мазан и, запинаясь от радости, пробормотал: "Проздравляю, батюшка Степан Михайлыч, с внучком!". Первым движением Степана Михайлыча было перекреститься. Потом он проворно вскочил с постели, босиком подошел к шкафу, торопливо вытащил известную нам родословную, взял из чернильницы перо, провел черту от кружка с именем "Алексей", сделал кружок на конце своей черты и в середине написал: "Сергей".

Вот так писал русский писатель о рождении на Руси нового человека, с любовью ожидаемого члена семьи и продолжателя рода.

А вот еще фрагмент из его же книги: "Летняя, короткая, чудная ночь обнимала всю природу. Еще не угас свет вечерней зари и не угаснет до начала соседней утренней зари! Час от часу темнела глубь небесного свода, час от часу ярче сверкали звезды, громче раздавались голоса и крики ночных птиц, как будто они приближались к человеку! Ближе шумела мельница и толкла толчея в ночном сыром тумане... Встал мой дедушка с своего крылечка, перекрестился раз-



другой на звездное небо и лег почивать, несмотря на духоту в комнате, на жаркий пуховик, и приказал опустить на себя полог.”

Вот так простым русским языком описана эта прекрасная картина.

Хочется показать нашу жизнь с положительной, а не с отрицательной точки зрения: как я вижу возрождение Руси, каковы наши корни, которые многими из нас давным-давно забыты. Это не нравоучение – это познание жизни с другой стороны, со стороны тех людей, что жили до нас.

Просто и мудро сказано об ушедших поколениях:

“Прощайте, мои светлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, в которых есть и светлые и темные стороны, люди, в которых есть и доброе и худое! Вы не великие герои, не громкие личности; в тишине и безвестности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внешняя и внутренняя жизнь так же исполнена поэзии, так же любопытна и поучительна для потомков. Вы были такие же действующие лица великого всемирного зрелища, с незапамятных времен представляемого человечеством, так же добросовестно разыгрывали свои роли, как и все люди, и так же стоите воспоминания. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь с вами ваше потомство. Оно встретило вас с сочувствием и признало в вас братьев, когда и как бы вы ни жили, в каком бы платье ни ходили. **Да не оскорбится же никогда память ваша никаким пристрастным судом, никаким легкомысленным словом!**”

После того как читатель прочтет эти строки, он должен отложить эту статью в сторону и немножко помолчать, чуть позже он не раз вернется к этим строчкам, но он будет уже другой.

Пушкин писал: “Дикость, подлость, невежество не уважают прошедшего, пресмыкаясь пред одним настоящим. И у нас иной потомок Рюрика более дорожит Звездой двоюродного дядюшки, чем историей своего дома, то есть историей Отечества...”

Да, в этой жизни наше поколение что-то потеряло, а найти не может, а кажется, что счастье рядом, вот оно, но мы проходим мимо.



А вот что читаем у Аксакова об отношениях мужа и жены:

“Дорогая невестушка, всем тебя Бог не обидел, одно скажу тебе: не давай волю своему горячему сердцу; муж у тебя добрый и честный человек; нрав у него тихий, и ты от него никогда терпеть не будешь никакой обиды; не обижай его сама. Чти его и поступай с уважением. Не станешь почитать мужа, — пути не будет. Что он скажет или сделает не так, не по-твоему, — промолчи, не всяко лыко в строку, не всяка вина виновата. Больно я тебя полюбил, вижу я тебя всю! Ради бога, не переливай через край; все хорошо в меру, даже ласки и угождения...”

Так тихо и обстоятельно подходили наши предки к важной теме – сохранению семьи, и, тем самым, сохранению своего рода.

В чем же сила и талант Аксакова? В том, что он простым русским языком передает нам силу и талант русского человека.

“В них природа русская раскинулась в чудной красоте, и русский писанный язык сделал шаг вперед”, — писал А.С. Хомяков об Аксакове.

Вот еще одна аксаковская мысль:

“Но только к тому человек не привыкнет и того не перенесет, чего Бог не пошлет!”

“В этот год там случился неурожай; ржаные хлеба были редки, а яровые- низки и травны. Работы, казалось бы, меньше, а жницы и жнецы скучали ею больше. Один из них, суровый с виду, грубым голосом сказал моему отцу: “Невесело работать, Алексей Степаныч. Не глядел бы на такое поле: козлец да осот. Ходишь день-деньской по десятине, да собираешь по колосу”. Отец возразил: “Как быть, воля Божья...”, — и суровый жнец ласково отвечал: “Вестимо так, батюшка!”

Впоследствии понял я высокий смысл этих простых слов, которые успокаивают всякое волнение, умирляют всякий человеческий ропот и под благодатною силою которых до сих пор живет Православная Русь. Ясно и тихо становится на душе человека, с верою сказавшего и с верою услышавшего их”.

Ни у кого, пожалуй, из русских писателей семейная жизнь не раскрывается с такой поэтической содержательностью, как у С.Т. Аксакова в его “Семейной хронике” и “Детских годах Баг-



рова-внука” в особенности. И это далеко не при гармоничном союзе между супругами. Но столько в материнской любви богатства чувств, столько душевной “занятости”, что уже одно это делает жизнь женщины глубоко осмысленной, дающей ей огромное нравственное удовлетворение, и маленький сын чувствует над собою “нравственную власть” матери. Такое материнское “однолюбие” было, видимо, таким же явлением русской жизни, как и постоянство пушкинской Татьяны с ее: “ Но я другому отдана и буду век ему верна”.

Вот что писали современники о книге С. Аксакова “Семейная хроника”:

“...если хотите, она есть тот же исторический роман по внутреннему смыслу жизни, который сквозит через эти, не значащие для истории лица и события. И какой роман! Огромный роман, <...> который обнимает собою время целого столетия, характеризует две великие эпохи...”.

Современники писали: “Сила обобщения того же образа Багрова могла родиться только из такой “семейной хроники”, где представлены не узкие рамки семейного быта, а целая Россия в главных своих качествах”.

Хорошо сказал о книгах С.Т. Аксакова Андрей Платонов, увидевший их “бессмертную сущность” “в отношении ребенка к своим родителям и к своей Родине”. Книги Аксакова воспитывают в читателях патриотизм и обнаруживают первоисточник патриотизма – семью, ибо “этому чувству Родины и любви к ней, патриотизму, человек первоначально обучается через ощущения матери и отца, то есть в семье”.

Читая Аксакова, мы входим с вами в реальный мир. Ни одного фальшивого тона, все просто и истинно. Уже сам язык очищающе действует на читателя не только в эстетическом, но и в нравственном отношении. Так говорили о произведениях Аксакова современники Хомяков и Тургенев, Шевырев и Щедрин, Погодин и Чернышевский, Анненков и Добролюбов и т. д.

У каждого из знаменитых

современников С.Т. Аксакова был свой взгляд на его книги, но все сходились в одном: в признании выдающихся художественных достоинств этих книг, редкого таланта их автора. Сам Аксаков писал о себе так: “Я прожил жизнь, сохранил теплоту и живость воображения, и вот отчего обыкновенный талант производит необыкновенное действие”.

И целых шесть вечеров подряд Толстой слушал чтение глав из этой книги. В январе 1857 года он записал в дневнике: “Чтение у С.Т. Аксакова. Детство прелестно!”. В конце жизни Лев Николаевич признался: “Никто из русских не имел на меня, для моего духовного направления, воспитания такого влияния, как славянофилы, весь их строй мыслей, взгляд на народ: Аксаковы – отец и Константин, Иван – менее...”.

В апреле 1858 года Сергея Тимофеевича посетил Михаил Евграфович Салтыков.

“Я вам признаюсь откровенно, почти с завистью прочитал ваши «Детские годы Багрова-внука», — каким-то ворчливым тоном продолжал Салтыков. — У вас было счастливое общение с природой, мать-природа лелеяла ваше детство, помогала вам заинтересоваться великой тайной вселенской жизни, а я только случайно и урывками знакомился в детстве с природой... И зверей, и птиц мы знали только в соленом, вареном и жареном виде...”.

В заключение мне хотелось привести слова А.С. Хомякова об Аксакове, где он четко и ясно охарактеризовал талант писателя.

“Но в чем же состоят художественные стихи его произведений? Во-первых, в языке, в котором едва ли он имеет соперника по верности и отчетливости выражения и по обороту,

вполне русскому и живому. Как нестерпимо чувствовать, что перепутываешь имена и называешь одно лицо именем другого, как невольно роешься в памяти, чтобы отыскать собственное название предмета, которое на время забыл, так для С < е р г е я > Т < имофеевича > было нестерпимо употребить неверное слово





или прилагательное, не свойственное предмету, о котором он говорил, и не выражающее его. Он чувствовал неверность выражения как какую-то обиду, нанесенную самому предмету, и как какую-то неправду в отношении к своему собственному впечатлению, и успокаивался только тогда, когда находил настоящее слово. Разумеется, он находил его легко, потому что самое требование возникало из ясности чувства и из сознания словесного богатства. Эта строгость к собственному слову, и, следовательно, к собственной мысли, давала всем его рассказам, всем его описаниям неподражаемую ясность и наглядность, а картина природы такую верность красок и выпуклость очертаний, какой не встретишь ни у кого другого. Едва ли Гоголь не первый признал это достоинство и восхищался им, прослушав первые, еще не напечатанные, охотничьи воспоминания Сергея Тимофеевича.

В них природа русская раскинулась в чудной красоте, и русский писанный язык сделал шаг вперед, даже после Пушкина и Гоголя”.

А как же оценивал сам себя Аксаков, слыша восторженные отклики на свои произведения. С появлением Гоголя все они, литературные друзья Аксакова, отступили на задний план, становились в отношении к Гоголю “второстепенными писателями”. Так Сергей Тимофеевич и назовет их, когда, уже на склоне лет, вызовет в па-

мяти их незабвенные образы и воздаст им должное. “Писатели второстепенные”, — скажет он, — готовят поприще для писателей первоклассных, для великих писателей, которые не могли бы явиться, если бы предшествующие им литературные деятели не подготовили им материала для выражения творческих созданий, — среды, в которой возможно уже проявление великого таланта. Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стен, погребены ли в подземных сводах, красуются ли на гордом куполе, — все равно труды всех почтенны и достойны благодарных воспоминаний”.

Вот так оценил свой вклад в сокровищницу русской литературы Сергей Тимофеевич Аксаков — назвал себя “второстепенным писателем”. А еще есть самая замечательная сказка, рассказанная ключницей Палагеей и изложенная Аксаковым — “Аленький цветочек”.

Поклонилась в ноги отцу меньшая дочь и говорит таково слово: “Государь ты мой батюшка родимый! Не вози ты мне золотой и серебряной парчи, ни черных соболей сибирских, ни ожерелья бурмицкого, ни венца самоцветного, ни тувалета хрустального, а привези ты мне аленький цветочек, которого бы не было краше на белом цвете”.

Читайте Аксакова, любите Аксакова.

Н. БУБКИНА,
зав. отделом РГДБ

Себя, как в зеркале, я вижу...

(Обзор материалов о проблемах школьных библиотек на страницах журнала “Библиотека” за 2000 г.)

Журнал “Библиотека” — наш старший товарищ и немножко конкурент, хотя ему уже 91 год, а нам всего лишь год. Однако мы так же, как и он, боремся за нашу аудиторию, а она, в общем-то, у нас одна — это вы, дорогие наши читатели. Многие из вас знают,

что этот почтенный журнал достаточно много писал о школьных библиотеках. Рубрика “Как живешь, школьная?” сменялась другими, а с 1998 года появилась практически постоянная — “Статус: школьная”. Но и в других своих рубриках журнал так или иначе затрагивал проблемы